

~~zakaz archiwum 10~~

ВАУКОВЫЙ СБОРНИКЪ

издаваемый

ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ГАЛИЦКО-РУССКОЙ МАТИЦЫ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ

1865.

ВЫПУСКЪ II.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

ВО ЛЬВОВЪ

въ книгопечатнѣ Ставропигійскаго Института 1865 года.

Завѣдатель печатни: Ст. Гучковскій.

8040

училища основалъ, въ церквахъ отиравы русскимъ, ромунскимъ и греческимъ языккомъ кончiti вельть и наконецъ чтобы въ училищахъ сими языками ученіе преподавалося. — Достопамятно и то есть, что помянутый князь далъ книгу „Новаго завѣта“ на ромунскій языке перевести и тую же на своихъ издержкахъ въ Грушовѣ печатати.*.) Книгу тую посвятилъ князеви епископъ Мараморошскій съ слѣдующею подписью имени и титула: „Нижайший и смиренійши слуга Вашего Величества Симеонъ Стефанъ Симоничъ, Архіепископъ и Митрополита Бѣлогородскаго (?) и Мараморошскаго.“

„Есть еще „Молитвословъ“ на ромунскомъ языцѣ, печатанъ въ 1696 году, который посвященъ быть Епископу Мараморошскому сею надписью: „Его Высокопреподобнію, Богу любимому Господину Феофилу Митрополиту Бѣлогородскому**“ и проч.“

Изъ сихъ доказательствъ явно, что книгопечатня Грушовскаго монастыря подлинно существовала. На записцѣ сей ить ніякой подписи имени и здается что есть только копія. Впрочемъ и изъ сего явно, что отисканіемъ печатныхъ плодовъ употребляемой Грушовской типографії уже и предъ симъ занималися. Съ другой стороны и Андрей Валудянскій въ своей Исторіи церковной (Т. II. §. 13. стр. 206.) упоминаетъ про книгопечатню сию. — Я тоже слышалъ что искій О. Геннадій Дурбуть, помершій 1839 года въ монастырѣ Мало-Березницкомъ, имѣлъ „молитвословецъ“ изданія Грушовской печатни.

А что касается монастыря „Занева“, то онъ одно и тоже будеть что монастырь „Угольскій.“ Въ памятописаніяхъ монастыря Горы Чернечей есть о семъ слѣдующая записка: „Обитель Огольска иначе Занева (sic). — Сія обитель когда-то почала знати неможъ, покуда иже разомъ изъ склонъ создана есть. Село мѣсто по ито дало подъ полонинами, майже на милю. земли ѿстоитъ, и нынѣ никто не сконцъ сѧ, но точно монастырскими назыкаетъ сѧ, и есть, Црквь деревянна на краю горѣ той деревко доброе, покрыта пакъ и обновленія жадаетъ, Престолъ деревянный, на немъ иконы Г. Гробница изъ дерева точена.“ —

*.) Розуміється буквами кирилловскими, ибо предъ симъ книги богослужебныи Ромуновъ печаталися всъ кириллицю. — Доп.

**) Въроятно Бѣлогородъ сей будеть „Alba-Julia“, или по мадарски: „Károly-felérvárig“ въ Семиградѣ.

И такъ далъе поминаются вѣсї цереви и монастыря. А на конецъ заключается записка словами: „Листокъ жадныхъ не есть, есть единакъ ѿксація Гатаражъ Манастирскихъ (т. е. чиновственное осмотреніе земель), и Слова Гвардія.”

Мукачевъ, 18. Лютого 1865.

A. Кралицкий.

Антоній Мальчевский и Русь.

Apparent rari nantes in gurgite vasto.

Virgilius.

Кому изъ нась неизвѣстна польская поэма: *Maria. Powieść ukraińska przez Antoniego Malczewskiego*. Сочинитель ея, происхожденіемъ Полякъ, сынъ полковника войска польского потомъ российскаго, родился около 1792 года на Волыни, посѣщалъ Кременецкое вышее училище и былъ любленъ основателемъ тогоже Фадесъ Чацкимъ. Оставивъ школу вступилъ Мальчевский въ 1811 г. въ войсковую службу и находясь во время кампаниі 1812 г. въ гарнизонѣ Модлина, съ измѣнившимися обстоятельствами, достался въ свиту Императора Александра, но сломивши 1816 г. ногу при нужденъ былъ выступити изъ войска.

А. Мальчевский посѣтивъ теперь на своихъ путешествіяхъ по Европѣ Швейцарію, Италию и Францію, послѣ 1821 года, возвратился снова на Волынь, гдѣ въ Владимірскомъ повѣтѣ взялъ былъ въ наемное посѣданіе одно селце, поки ведень любовными приключеніями не переселился отсюда въ Варшаву, гдѣ въ крайней нуждѣ, въ два мѣсяцы послѣ изданія пѣстатью своего сочиненія „Марія“, скончался 2 Мая 1826 года. Такимъ образомъ А. Мальчевский родившись и живши въ южной Руси былъ обзнакомленъ достаточно съ политическимъ и соціальнымъ состояніемъ ея, и прожи-

вая во временахъ великой европейской борьбы веденой такъ частною якъ народною личностью о свои природныя права, могъ своимъ образованнымъ умомъ раздумывать о несчастной судьбѣ народа русскаго угнетаемаго его ополыщенкою шляхтою. Чувствительное сердце Мальчевскаго избрало себѣ даже предметомъ вынѣ упомянутого поэтическаго труда событіе, совершившееся на Руси, т. е. жалкую судьбу постигшую Гертруду изъ Коморовскихъ Потоцкую, первую жену Счастнаго Потоцкаго, которую гордый аристократъ отецъ его Францискъ Салезій, Кіевскій воевода, повелѣлъ лишили жизни.

А. Мальчевскій, представляя въ лицѣ воеводы гордаго и честолюбиваго польскаго вельможу, недопускающаго на бракъ сына своего Вячеслава съ дочерью мечника Марию, хотя шляхтиanko, но по разумѣнію воеводы не въ уровень сыну magnата, не забылъ также на пониженнюю личность народа русскаго, которую онъ представляетъ въ образѣ юноши-служки (*młodego pacholęcia*) соболѣзнующаго несчастному Вячеславу.*)

Высказанныя чувства свои о несчастномъ состояніи Руси, подъ владѣніемъ Польши, называетъ А. Мальчевскій (стихъ 662) думками о Козаку, въ которомъ хорошо понять онъ значеніе его, а зародышъ настоящаго отрожденія южной Руси. А. Мальчевскій думалъ, что совершившееся въ нашихъ временахъ народное отрожденіе Руси не сбудется мирно, но послѣдуетъ какой то смертоносной катастрофѣ (стихъ 673). Вотъ что тотъ польскій поэтъ, рожденъ на Руси, единственный между всѣми поэтами своего рода, спросивъ юношу-служку:

„Mcje młode pacholę, gdzież to ty wędrujesz ?
Czy z ziemi Świętej wracasz, że tak utyskujesz ?
кажетъ вѣщати Руси о себѣ !

„Oh ! nie — ja wszystkim obcy śród mojej ojczyzny —
I śmierć mi zostawiła czarne w piersiach blizny —
I świata jadłem gorzkie, zatrute kołacze —
To mnie ciężko na sercu, i ja sobie płaczę.

*.) Слово польское *pacholę* означаетъ собственно служку-посолка, посланчика, *Sendknaben*.

A kiedy się rozśmieję — to jak za pokutę:
 A kiedy będę spiewał — to na smutną nutę;
 Bo w mojej zwiędłej twarzy zamieszkała bladość,
 Bo w mej zdzieczalej duszy wypleniono radość,
Bo wpływ mego aniola grób w blasku zobaczy.
 „To czegoż cheesz pachole?“ — „Uciec od rozpaczy.“

II.

Stało młode pachole, pod płotem zostało,
 Na smutek co się skarzy uważają mało,
 A ten co z niem rozmawiał na wrótach oparty, —
 Wyszczérzał w inną stronę wzrok cały otwarty —
 Skąd w różnofarwnych strojach, huczne czyniąc wrzaski
 Niespodzianym orszakiem, zbliżały się maski.

Содержаніе сей образной речи молодого служки есть для каждого Русина понятно, ибо она представляетъ въ главныхъ чертахъ личность русскую угнетеную преобладнушией ее польскою аристократическою стихиєю, вдершаюся въ русскую землю и насильно покушавшиюся втиснути въ русскую душу всѣ свойства и признаки польской личности, т. е. свое вѣроисповѣданіе, языкъ, обычай и политическое устройство.

Русская личность порабощенная Польщю представлена авторомъ „Марії“ весьма удачно хотя замаскирована въ образѣ молодого служки, осиротеннаго, лишенаго отцевскаго наслѣдія, выставленаго на всѣ удары несчастной судьбы невольника, горемыки, такъ что даже плачь и пѣсня его раздается въ одномъ и томъ же печальному звуцѣ, а лицо облеклось блѣдностью страдальца, въ которого сбояло душъ нѣть малѣйшей радости ни надежды, лишь только осталось одно отчаяніе, готово притушити послѣднюю искру своей рабской жизни, ища въ томъ отрады и якого нибудь выхода изъ своего несноснаго положенія. Для такого рода несчастного нѣть иного друга, только подобный ему, тоже гоненный судбою. По той причинѣ А. Мальчевскій, управляясь психологическимъ и искусственнымъ помысломъ, сводитъ по жалкой кончинѣ Марії отчаевающагося Вячеслава съ превосходнымъ олицетвореніемъ страждущей Руси въ видѣ молодого служки, съ которого появленіемъ (стихъ 1303)

W szarej chwastów zarośli lekki ruch się zdaje —
 Rozsuwają się liście i czapka wystaje —
 I głowa się podnosi — i stanęło ciało,
 Co tam w eichém czekaniu ukryte siedziało ,
 Młodego pacholęcia, co na świat płakało. —
 I wzrokiem rozczulonym patrzy się w rycerza ,
 Co jego zwiedłą młodość podziwieniem zmierza :
 Czy strachu czy uroku, schowane tam siłą ?
 Nie wiem — wyszło z gęstwiny, i tak przemówiło :
 „Niech rycerz drżącem sercem nie pragnie tak wody ,
 „Bo w niej zgasiął dopiero blask ziemskiej urody :
 „To te obrzydłe maski, w swej zdradnej zabawie ,
 „Śliczne łono tej pani zatopiły w stawie :
 A kto raz ludzi porzuci ,
 Nigdy już do nich nie wróci .

.

I podniósłszy na palcach swoją małą postać ,
 Żeby się rycerzowi do ucha mógł dostać ,
 Szeptał, szeptał swą powieść — a w twarzy rycerza ,
 Czarna, czarniejsza chmura, coraz się rozszerza ;
 I znów nagle rozpaczłą zaciemnione lica
 Zapał gniewu i wzgardy jak piorun oświeca :
 Aż w nim powstała wreszcie ta ponurość dzika ,
 Co patrzy w jeden przedmiot — w trumnę przeciwnika ,
 Kruszy najświętsze węzły w ogniu swego piekla ,
 Gdy i w najbliższym sercu trueizny dociekła !
 Aż w nim powstała wreszcie ta chciwość szalona
 Krwi — krzyku — dzwonów — płomień popsnutego łona ,
 Co domowej niezgody rozpala pochodnię ,
I w własnym swojem gnieździe — zbrodnią kurze zbrodnie !

Вячеславъ оставилъши теперь свою бездушную Марию, которой
 (стихъ 1407)

Z swym małym przyjacielem czyli nowym wrogiem ,
 Umarłe ciało nazad wniesli do komnaty ;

.

Wyszedł — i zaraz z twarzy wszelkie znikły bole ;
 Skoczył na koń — a za nim usiadło pachole .
 Lecz któż był ten mały człowiek z okiem zapłakanem ?
 Czy duchem jego losu ? Aniołem ? Szatanem ?

Czy szczerze drażni męki, lub smutek z nim dzieli?
Nie wiem — objął rycerza i w czwąt polecieli.

Русскому читателю уже не тяжко разгадати, что молодой служка, съ которымъ Вячеславъ уѣхалъ, никто иныхъ якъ только русскій выходецъ, оставляющій свое отечество, гдѣ для него нѣть больше раздолія, который подружившись съ несчастнымъ Вячеславомъ, отправляется съ нимъ въ Запорожіе, искати отрады и помощи т. е. чтобы отомстити своимъ личнымъ врагамъ и порабощеннаго русскаго отечества, или якъ А. Мальчевскій выражается въ *własnym swojem gnieździe* — *zbrodnią karać zbrodnię*. Автору Марії было извѣстно, что не только Русь, но и польская шляхта, недовольная своимъ положеніемъ, убѣгала на Запорожіе и вступала въ воинственное козацкое товарищество, ненавидящее аристократическую Польшу. По той то причинѣ Мальчевскій даетъ своему Вячеславу, лишенному любезной Марії, увѣстись подицентамъ молодого служки, которому нестерпимо стало невольничати въ службѣ своего горделиваго лицкаго иана,* якъ Вячеславу, насильно лишеному своей любимой Марії, было невыносимо подчиниться воли своего аристократическаго отца, воеводы.

Быти можетъ, скажетъ иѣкто, что лицо молодого служки, въ повѣsti Марії, есть ни чѣмъ иныхъ якъ только поэтическимъ олицетвореніемъ отчаянія, которому Вячеславъ потерявъ свою Марію предается. На то отвѣчаемъ, что подобное толкованіе значенія молодого служки было бы аллегорическимъ толкованіемъ живаго лица, состоящаго изъ души и тѣла такъ мастерски очер-

* Сравни стихъ 370

*Poddany — lecz swobodę z ojca powziął łona.
I gdy dumnie pojrzawszy do pana isę żąda,
Śród wiodącej go zgrai jak władcę wygląda: —
Zwinne jego obroty, kroki jego letsze,
Bo swoje członki węzil na stepowym wietrze,
A barania tu czapka za każdym ruszeniem
Miga gdyby choć agiew czerwonym płomieniem —
Pomiędzy chust, zarosłe — gdzie lipy z okopu
Są cieniem i trwoga poziomemu chłopu. —*

Не одноли то лицо съ молодымъ служкою, который касательно своей выше приведеной рѣчи долженъ бытъ не весьма **молодъ**, ибо онъ кушаль уже свiata gorzkie, zatrute koiacze и отчаивается.

кнутого поэтическимъ талантомъ А. Мальчевского, а котораго существование засвидѣтельствовано всею почти исторіею Руси и Польши. Правда, что А. Мальчевскій не сказалъ откровенно въ примѣчаніяхъ, что онъ подъ молодымъ служкою разумѣетъ притисненную русскую личность, но безъ сомнѣнія по той причинѣ, чтобы не быть провозглашенъ измѣнникомъ своего отечества и бунтовщикомъ Руси, которая тогда упovита польскими пеленами спочивала въ лептаргическомъ сне, ожидая еще рокового дня своего народного воскресенія къ политической жизни.*). Наконецъ чтобы ни было, А. Мальчевскій чувствовалъ и понималъ хорошо отношеніе поработенной Руси къ Польши, представилъ отсюда раждающіяся пагубныя послѣдствія для аристократической Лехіи, предвѣстиль при такомъ положеніи международныхъ дѣлъ послѣдовавшую катастрофу, которая однако мирно для Руси, но кроваво и вредоносно для Польши окончилась. Такимъ образомъ стоитъ сочинитель „Марії“ яко единственный безпристрастный польскій поэтъ, давшій свидѣтельство истинѣ, когда послѣдующій ему рядъ украинскихъ польскихъ пѣвцевъ и политиковъ, загорѣвши чадомъ полономаніи, на Руси не видѣть Руси, или проповѣдуетъ для неї единственное спасеніе въ совершеномъ ополыщеніи ея. Сами пагубнѣшія отсюда произшедшія послѣдствія для Польши объявились въ наше время, до которого отвлеклось пробужденіе русско-народной личности т. е. народности, коей необходимо предшествовать подобало освобожденію частного русского лица отъ злоповѣстного у насъ подданства, а крѣпостного состоянія въ Россіи.

Воскресла Русь! народъ свободенъ сталъ
И новый міръ возникъ — широкій, сильный...
И сбылось что Мальчевскій чувствовалъ,
Онъ яко поэтъ, намъ и Польщѣ вспольный.

А. Петрушевичъ.

*.) Для чего настоящіи польскіи издаватели и коментаторы „Марії“ Мальчевскаго, касательно интересного лица молодого служки, не дѣлаютъ жадныхъ изысканій не трудно угадати, ибо тѣ же не признавая существованія Руси, не хотѣтъ также указати на изображеніе ея представленіе А. Мальчевскимъ.

О ПАННОНСКИХЪ РУГАХЪ ИЛИ ПСЕВДОРУССАХЪ.

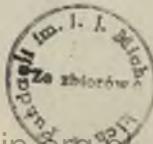
Въ разсужденіи нашемъ: Было-ли два Галичи, княжескіи города и пр. напечатанномъ въ семъ Науковомъ Сборнице стр. 25, лишили мы вопросъ о скандинавско-германскомъ племени Руговъ не решеннымъ; но теперь на мѣстѣ томъ, о сколько намъ занятія нашего званія дозволили и въ томъ предметѣ доступныи и скучныи источники сдѣлали возможнымъ, подаемъ поченнымъ читателямъ, короткій перечень данныхъ свидѣтельствующихъ о Ругахъ, откуда тѣ же вышли, гдѣ проживали, якъ долго имъ упоминается въ исторіи, и въ якомъ наконецъ отношеніи они стоять къ нашимъ Варяго-Руссамъ.

Предметъ нашей статіи будеть сначала казатися многимъ маловаженъ, сухій, чуждъ для русской исторіи, и больше интересенъ для Германіи, нежели для Словенскаго міра. Сообразивши однако тое, что предметъ сей не есть до сихъ поръ достаточно изслѣдованнымъ, что словенскіи историки І. Шафарикъ и І. Лелевель толкуютъ о Ругахъ только вообще, что на противъ тому госп. А. Бѣлѣвскій, не поступая критически съ матеріаломъ по своему виду лишь сюда относящемъ, сочинилъ изъ него цѣлую исторію Галицко-русскаго королевства въ Словакской землѣ, видимъ крайнюю потребу подробного изслѣдованія сего вопроса, такъ тѣсно связанного съ начальною исторіею Австріи, Мадярского королевства, и съ соплеменной намъ Закарпатской Руси.

Первое достовѣрное упоминаніе о съверно-немецкомъ племени Руговъ читаемъ въ описаніи Германіи Тацитомъ (100. г.), который мѣстить ихъ на восточномъ рубежѣ Германіи: *protinus deinde (post Gothones et Lygios) ab Oceano Ruggi et Lemovii. Germ. c. 43.* Балтійское побережіе, между устьемъ рѣки Одры и Вислы, было мѣстопребываніемъ Руговъ, куда тако же кладеть Птоломей (въ второй половинѣ II вѣка) своихъ Рутиковъ (*Geogr. l. II. c. 11. Ρουτίκλειοι*) съ уроцищемъ *Ρούγιον, Rhugium* около устья Одры.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

<http://rcin.org.pl>

F
8040